А.А. Матвеева (доц. БашГУ, г. Уфа)

О ПОНЯТИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

В статье рассматривается сущность и природа языковой игры. Прослеживается история и динамика развития данного понятия. Анализируются и структурируются разные подходы к исследованию языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, жизнь как игра, перформанс, перформативные высказывания, языковой канон.

The article deals with the essence and nature of verbal game. The history and developmental dynamics of this notion have been investigated. Various approaches to verbal game studies have been analysed and structurized.

Key words: verbal game, life as a game, performance, performative utterances, language canon.

Исследования языковой игры чрезвычайно популярны в современной лингвистике. При этом понятие языковой игры сильно варьировалось как по своему объёму, так и по содержанию на протяжении всей истории своего существования.

Термин «языковая игра» был введён Людвигом Витгенштейном в его книге «Философские исследования». Понятие языковой игры у Л. Витгенштейна выкристаллизовалось из философского противопоставления идеального языка науки и естественного языка. В идеальном языке преобладают сообщения, тогда как в естественном языке первостепенны пожелания, вопросы, просьбы, приказы, и т.д. Такие языковые ситуации в совокупности с контекстом названы Л.

Витгенштейном языковыми играми [Витгенштейн 2018]. Л. Витгенштейн отмечает, что использование языка есть форма жизни, т.е. языковая игра. Исследователь относит к многообразию языковых игр такие действия, как отдавать приказы, описывать объект, сообщать о событии, обсуждать событие, выдвигать гипотезы, сочинять истории, играть на сцене, петь песни, отгадывать загадки, придумывать шутки, решать арифметические задачи, переводить с одного языка на другой, благодарить, спрашивать, бранить и т.д. [Витгенштейн 2018]. В качестве примера языковых игр Л. Витгенштейн приводит выражение «пять плит», которое может быть сообщением о количестве плит в штабеле или приказом [Витгенштейн 2018].

Вместе с тем, хотя Л. Витгенштейн ввёл термин «языковая игра» и стал родоначальником широкомасштабных исследований в области языковой игры, понимание языковой деятельности как игры присутствовало в науке и ранее. Так, Фердинанд де Соссюр в книге «Курс общей лингвистики» сравнил функционирование языка с игрой в шахматы [Соссюр 1999]. Учёный провёл аналогию между языком и шахматной игрой по таким линиям, как система значимостей, их изменение, моментальность [Соссюр 1999].

Концепция языка как игры тесно связана и находится в отношениях взаимовлияния с концепцией жизни как игры. Изречение «весь мир – театр» из пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится» поразило глубиной и меткостью обобщения современников и повлияло на развитие искусства последующих веков. У истоков философского понимания жизни как игры стоял Гай Петроний, чей афоризм «*Mundus universus exerceat histrioniam*» (Весь мир лицедействует) был высечен на фронтоне шекспировского театра «Глобус». Эразм Роттердамский писал: «Но вся жизнь человеческая есть не что иное, как некая комедия, в которой все люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока хорэг не уведёт их с просцениума» [Эразм Роттердамский 1931: 85-86]. «Что наша жизнь? Игра!» – звучат слова арии Германна из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама».

В научный обиход концепцию жизни как игры ввёл Й. Хёйзинга. В своём трактате «*Homo ludens*» Й. Хёйзинга говорит о

всеохватности феномена игры и его универсальности в культуре [Хёйзинга 1997]. Особое внимание Й. Хёйзинга уделяет языку, который, по его мнению, пронизан игрою. Именуя, человек посредством языка «возвышает вещи до сферы духа. Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли» [Хёйзинга 1997: 24].

В современных исследованиях культуры всё большую популярность приобретает изучение культуры как перформанса, а в рамках «performance studies» – изучение речи как перформанса [Рыжакова, Сироткина 2016: 726-727]. Согласно С.И. Рыжаковой и И.Е. Сироткиной, перформанс предполагает замысел, игру, воображение [Рыжакова, Сироткина 2016: 728]. Так, игровой характер языка находит отражение в явлении перформативности. Дж. Остин отмечает, что перформативные высказывания «не описывают, не сообщают, не констатируют ничего, а также не являются правдивыми или ложными»¹ [Austin 1962: 5]. «Произнесение такого предложения есть отчасти совершение действия» [там же]. Дж. Остин приводит такие примеры перформативных высказываний, как «I name this ship the *Queen Elisabeth*», «I give and bequeath my watch to my brother» и т.д.

В 1960-е годы была создана перформативная гипотеза, предполагающая потенциальную перформативность всех глаголов. Как отмечает В.П. Руднев, перформативная гипотеза ведёт к заключению о полном поглощении реальности языком [Руднев 1999: 320]. В соответствии с данной концепцией, окружающая человека реальность – это реальность языковых игр. Иными словами, человек живёт в языковой игре.

В отечественной лингвистике термин «языковая игра» получил распространение в 1980-е годы благодаря школе Е.А. Земской. Концепция языковой игры Е.А. Земской является семантически более узкой по сравнению с установившейся ранее под влиянием Л. Витгенштейна трактовкой языковой игры как воплощения игровой природы языка. Е.А. Земская понимает языковую игру как игру с формой, когда коммуникация получает «эстетическое задание» [Земская 1983: 175]. Согласно Е.А.

¹ Здесь и далее перевод автора – А.М.

Земской, к примерам языковой игры следует относить шутки, каламбуры, метафоры, метонимии, перифразы, эвфемизмы и другие средства выразительности в языке.

Т.А. Гридина развивает узкую трактовку языковой игры, понимая под языковой игрой «неканоническое использование языковых единиц» с эстетико-прагматической целью [Гридина 1996]. Механизмом языковой игры, по мнению исследователя, является варьирование отношений внутри диады «содержание языкового знака – форма языкового знака». Уже существующая в языке форма может приобретать новое содержание и, наоборот, изменение формы знака может происходить при неизменности его содержания [Гридина 1996]. Таким образом, творческая сущность языковой игры заключается в извлечении знака из его типового контекста.

Наиболее узкая трактовка языковой игры как отступления от языковой нормы получила большое распространение в современных лингвистических исследованиях. Так, В.З. Санников отмечает, что языковая игра, как нечто «патологическое в речи», наиболее выпукло оттеняет языковую норму [Санников 2002: 13]. Исследователь сравнивает языковую игру с отражением языка в кривом зеркале и возводит языковую игру к категории комического.

Анализируя языковую игру, Т.А. Гридина и В.З. Санников задаются вопросом, не следует ли заменить термин «языковая игра» термином «речевая игра» ввиду того, что данный феномен находится на стыке языка и речи [Гридина 1996: 7-10; Санников 2002: 15]. Одним из основных доводов в пользу термина «речевая игра» является окказиональность игры, её речевая реализация. Вместе с тем, В.З. Санников отмечает предпочтительность традиционного термина (языковая игра), поскольку она основана на знании системного характера языковых единиц и правил их использования [Санников 2002: 15].

В контексте понимания языковой игры как нарушения языкового канона осуществляются исследования данного явления Н.Е. Ковыляевой, О.А. Викторовой, Т.Н. Колокольцевой, О.Д. Туровской, О.Ю. Коноваловой, А.П. Сковородниковым, Л.М. Цоневой. Н.Е. Ковыляева определяет языковую игру как

«намеренно нестандартное использование языковых средств» с прагматической целью [Ковыляева 2015: 10]. О.А. Викторова даёт определение языковой игры как «намеренного отклонения от литературной нормы», целью которого является привлечь внимание и создать экспрессивный эффект [Викторова 2016: 4]. М.Э. Рут и Е.Н. Иванова рассуждают о языковой игре как о поиске нетрадиционных способов воплощения связей и законов языка [Рут, Иванова 2013: 78]. Л.М. Цонева говорит о языковой игре как о сознательном «отклонении от речевой нормы» [Цонева 2014: 103]. О.Ю. Коновалова понимает языковую игру как деканонизированную форму создания и использования единиц языка [Коновалова 2008]. А.П. Сковородников видит в языковой игре явления неконвенционального порядка [Сковородников 2010]. Т.Н. Колокольцева и О.Д. Туровская определяют языковую игру как тип речевого поведения, основанный на сознательной деструкции речевой нормы [Колокольцева, Туровская 2015: 153].

Мостиком между наиболее узкой трактовкой языковой игры как осознанного отклонения от языкового стереотипа и максимально широким пониманием языковой игры как бытийного окружения человека является концепция С.Ж. Нухова, согласно которой языковая игра есть «универсальная форма речевого поведения человека», проявляющаяся в его стремлении к игре, творчеству [Нухов 2016: 15]. С.Ж. Нухов полемизирует с распространённым в научном лингвистическом сообществе акцентированным вниманием на нарушении догмата нормы и ориентации на достижение прагматического эффекта при описании сущности языковой игры. Исследователь полагает, что, играя, человек говорящий не думает о догмате нормы или о прагматическом воздействии, но выражает себя, то, что волнует его в данный момент, приспосабливается к конкретной ситуации речи, «облекает в языковые формы свой внутренний мир» [Нухов 2016: 14].

Подытоживая, можно отметить, что основные дебаты в научных кругах относительно трактовки понятия «языковая игра» происходят в рамках оппозиций «широкое – узкое», «языковое – речевое», «намеренное – ненамеренное».

Оппозиция «широкое – узкое» проявляется в разной интерпретации объёма понятия «языковая игра». Самая широкая трактовка сущности языковой игры восходит к Л. Витгенштейну. Согласно ей, само использование языка есть языковая игра. Значительно более узкое понимание языковой игры преобладает в трудах исследователей школы Е.А. Земской. С позиции данного направления языковая игра – это игра с языковой формой с целью усиления выразительности. Несмотря на то, что данное определение позиционирует языковую игру как более узкий феномен в сравнении с определением языковой игры, восходящим к Л. Витгенштейну, оно является слишком широким по мнению В.З. Санникова. «Вся художественная литература подпадает под него – поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности» [Санников 2002: 15]. Не столь широкую, как сведение к любой языковой деятельности, но, тем не менее, достаточно широкую трактовку языковой игры предлагает С.Ж. Нухов, понимающий под данным явлением постоянное, неосознаваемое изменение языковых форм с целью приспособления к новой речевой ситуации. Самым узким пониманием языковой игры является интерпретация данного явления как нарушения структурных, семантических и прагматических канонов (Т.А. Гридина и обширная плеяда современных исследователей).

Оппозиция «языковое – речевое» проявляет себя по отношению к языковой игре в дискуссии учёных о характере языковой игры. Т.А. Гридина делает акцент на языковой игре как форме речевого поведения, тогда как В.З. Санников отдаёт приоритет системному характеру языковой игры при определении сущности данного феномена.

Оппозиция «намеренное – ненамеренное» в спорах о природе языковой игры проявляется в том, придерживаются ли лингвисты мнения об осознанности и намеренности реализации языковой игры говорящим (Н.Е. Ковыляева, О.А. Викторова, Л.М. Цонева и др.) или полагают языковую игру следствием бессознательного творческого устремления человека, основывающимся на накопленном опыте, проявлением врождённой человеческой склонности к игре (С.Ж. Нухов). Многомерность и

неисчерпаемость такого явления, как языковая игра, порождает и всегда будет порождать множественные миры трактовок, интерпретаций и мнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викторова О.А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Тверь, 2016. – 182 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. – М.: АСТ, 2018. – 352 с.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
4. Земская Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М., 1983. – С. 172-214.
5. Ковыляева Н.Е. Языковая игра как средство формирования семантики и прагматики дискурса (на материале текстов различных функциональных стилей). – Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Нальчик, 2015. – 186 с.
6. Колокольцева Т.Н., Туровская О.Д. Языковая игра с использованием прецедентных феноменов в разговорной речи // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 8 (42) Ноябрь 2015. – С. 153-157. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1451204898.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
7. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.
8. Нухов С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя прилагательное: монография / С.Ж. Нухов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 176 с.
9. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.

10. Рут М.Э., Иванова Е.Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII-XIX вв. // Лингвистика креатива – 1: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 78-86.
11. Рыжакова С.И., Сироткина И.Е. Performance studies: концепция и исследовательские подходы // Обсерватория культуры, 2016, Т. 13, № 6. – С. 726-735.
12. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
13. Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография. – Красноярск, 2010. – С. 50-63.
14. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ред. Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
15. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
16. Цонева Л. М. Языковая игра и ее изучение // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). – С. 101-108. [Электронный ресурс]. URL: <https://medialing.ru/yaz-kovaya-igra-i-ee-izuchenie/> (дата обращения: 15.03.2021).
17. Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. – Москва-Ленинград: Academia, 1931. – 239 с.
18. Austin J. How to do things with words. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 168 p.

© Матвеева А.А., 2021 г.